

Скандинавская мифология в творчестве В. Брюсова и А. Блока

Л. С. ГульБА

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН)

В статье изучаются образы, сюжеты и мотивы скандинавской мифологий, нашедшие свое отражение в лирике русских поэтов рубежа XIX–XX вв. Валерия Брюсова и Александра Блока. Скандинавия в творчестве Брюсова и Блока являлась предметом интереса це-

лого ряда исследователей. Однако никто еще не концентрировал внимание на образах мифологии и не пытался сравнить их в творчестве Брюсова и Блока.

В статье рассматриваются трансформации образов, сюжетов и мотивов в творчестве поэтов, исследуются трактовки мифа писателями. В основе исследовательской методологии лежит сравнительно-сопоставительный метод. Методологическую базу составляют также описательный, мифопоэтический и структуралистский методы.

В стихотворениях В. Брюсова «Бальдеру Локи» и «Пророчество о гибели азов» последовательно освещаются два мифологических сюжета: гибель Бальдра и конец света — миф Рагнарёк. В своем поэтическом воплощении они практически не претерпевают изменений, а те отступления от мифологических сюжетов, которые можно проследить в стихотворениях, являются намеренными и служат творческим целям.

В поэме А. Блока «Соловьиный сад» отражается сюжет ирландской саги о плавании Брана. Герой поэмы соотносится с Браном, который отправился в путешествие, а прекрасный сад — с землей обетованной. Временная смерть мифологического героя получает в поэме новое наполнение: причиной его духовной гибели оказываются соблазны сада, которым он поддался.

Основное различие поэтических мифологизаций В. Брюсова и А. Блока состоит в том, что для Брюсова миф интересен в своем первоизданном виде, и потому он стремится сохранить его во всех основных чертах в своей поэзии, а для Блока мифологический сюжет является неким символом, который может быть воплощен в жизни его лирического героя и заново пережит им. Данное исследование помогает глубже понять не только отражение скандинавской мифологии в поэтических системах писателей, но и сами их поэтические системы.

Ключевые слова: В. Брюсов, А. Блок, скандинавская мифология, кельтская мифология, мифологизация, лирика.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к культуре, литературе и мифологии Скандинавских стран, как исследовательский, так и эстетический, в России сохранялся на протяжении веков. Однако пик волны увлечения «северной» литературой в обществе русской интеллигенции приходится на 1900–1910 гг. Не менее живой интерес проявляют, в частности символисты, и к мифу. Ощущение всеобщей зыбкости и неустойчивости, характерное для рубежа веков, побуждало писателей к поиску незыблемых основ мироздания. Таким основанием была мифология, поскольку миф сочетает в себе элементы памяти и фантазии, проводит важную для символистов идею преемственности (Шелогурова, 1986: 123–124).

СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. БРЮСОВА

Скандинавская тема, по мнению исследователей, входила в широкий круг интересов В. Брюсова изначально. Мифология Севера вызывала у него не меньший интерес, чем география, история и культура Скандинавских стран. Мифологические образы, персонажи и целые сюжеты появляются во многих его стихотворениях; другое дело, что используются они с разными поэтическими целями и получают разное воплощение. Так, в стихотворении «Черные тени узорной решетки...» образ рун оказывается изъятым из эддической мифологической системы и помещен в древнегреческий сюжет — легенду о Коре. Руны Футарка лишены в стихотворении своих конкретных мифологических качеств, как то: начертания, значения, материал, на который они наносились, связь с ритуалом и мифом о девяти ночах Одина, постигающего суть каждой из рун. Вряд ли можно говорить здесь о сближении двух мифологических систем, древнегреческой и скандинавской: Север в стихотворении противопоставлен Югу,

и неизвестно, могла ли судьба греческой богини быть начертана северными рунами. Образ рун используется в стихотворении в связи с темой рока (Раудар, 1988: 148).

Особое отношение к скандинавской мифологии имеют образы саги — эпического сказания о великих событиях прошлого, судьбах людей и богов, героических подвигах. Погибшие герои, попав в нее, обретают бессмертие, люди, бывшие неизвестными, — обретают легендарность. Не менее значим и образ самого сказителя, скальда: он уже не просто поэт, а тот, кому доступна власть над временем. Не случайно в скандинавской мифологии «Сага» — это еще и имя богини прорицания, которая упоминается в «Младшей Эдде». Не просто поэтом, но будущим сказителем является лирический герой стихотворения Брюсова «Тема предчувствий».

Образ саги в произведениях Брюсова может равным образом заключать в себе как прошлое, так и будущее. В стихотворении «Карл XII. Памятник в Стокгольме» великий викинг был предсказан в древних сагах; он же является потом, для новых поколений, пришедшим из сказаний призраком прошлого. Образ викинга не является, строго говоря, мифологическим, однако в творчестве Брюсова он, по всей видимости, мифологизируется. «Карл XII», «Старый викинг», поэма «Царю Северного полюса» — динамика истории в них сочетается со статикой вечности, характерной для мифа, викинги (у каждого из которых есть реальный исторический прототип) предстают как эпические богатыри, которые вступают в равную борьбу с такой же беспощадной природой Севера. Итог этой борьбы предрешен: гибель викингов и принятие их вечной зимой в чертоги будущей Вальгаллы как достойно павших героев; их бессмертие — в сагах, которые о них слагают. Примечательно, что на поле боя появляются именно Один и валькирии, а не Тор: «Если Тор, подобно эпическим героям, защитник “своих”, т. е. богов и людей, от “чужих” — великанов и хтонических чудовищ, то Один — инициатор раздоров и войн между людьми в соответствии со своей функцией распределения военного счастья» (Мелетинский, 2000: 253).

Давно было замечено, что скандинавская мифология в целом пронизана эсхатологическим пафосом. Именно «пролог к трагедии гибели мира» Брюсов берет за основу своего стихотворения «Бальдеру Локи». Несмотря на то что Бальдер является пассивным, страдающим божеством и культовой жертвой в мифологии, у Брюсова именно он выступает в качестве главного соперника Локи. В стихотворении опущены такие детали мифологического сюжета, как зловещие сны, предрекающие гибель Бальдера, омела, которая не давала клятвы, превращение Локи сначала в незнакомую женщину, беседующую с Фригг, а потом — в великаншу Тёкк, которая отказывается оплакивать Бальдера вместе со всем живым. Однако для лирического сюжета все эти детали не так важны, как для мифа: по мнению Раудар, в стихотворении осмыслена драма отношений Брюсова, Белого и Петровской (Раудар, 1988: 158). В стихотворении Брюсова Бальдер — не культовая жертва, а жертва хитрости злокозненного Локи. В качестве героини, открывшей тайну «бессмертия» Бальдера, названа не Фригг, а Нерта, или Нертус: «которая, несомненно, была богиней растительности, плодородия, возможно, богиней земли» (Мелетинский, Гуревич, 1980: 286).

Миф о Рагнарёке является прямым продолжением мифа о смерти Бальдера. То же самое можно сказать и о поэтических сюжетах Брюсова: «Бальдеру Локи» и «Пророчество о гибели азов». Несмотря на то что эти стихотворения не относятся к одному и тому же сборнику и к одному временному периоду («Пророчество о гибели азов» — сборник «Сны человечества», 1916), в них Брюсов перебрасывает такой же мост от этиологии к эсхатологии, как в скандинавской мифологической системе. В стихотво-

рени сохраняется в общих чертах мифологическая картина конца света. Сохраняются также основные мифологические персонажи — участники последней битвы. Как и в мифе, Один сражается с Фенриром и погибает, и весь мир в конце битвы погребен под ударом мощи огня. Примечательно, что змей Ёрмунганд (Нидгад) в стихотворении не выплывает из морских пучин, куда был свергнут после укрощения, а вылетает из ада и кружит над дворцом азов. Сам Брюсов замечал, что в пророчестве вёльвы «вся вселенная сгорит, но из моря подыметься новая земля, которая будет лучше прежней» (Брюсов, 1973: 343). Однако в стихотворении к новой жизни мир возрождает бог зла, черный Локи, победивший в битве богов, великанов и чудовищ. Если жертвоприношение Имира было актом превращения хаоса в космос, то жертвоприношение Бальдера подготовило превращение космоса в хаос; новый мир унаследуют не юные и безгрешные, но безумцы.

СЕВЕРНАЯ МИФОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

Скандинавская тема была также затронута в творчестве Блока, причем, как признают некоторые исследователи, получила в известном смысле даже более глубокое воплощение, чем у Брюсова. Его поэзии, как отдельным стихотворениям, так и целым циклам (например, «Вольные мысли») близка стихия Севера. Однако образов скандинавской мифологии нет в его поэзии. Но в поэме «Соловьиный сад» отзывается сюжет кельтской мифологии, и в частности ирландская сага «Плавание Брана». Хотя этот сюжет не является скандинавским, к северной мифологии он имеет отношение. Связь скандинавской и кельтской мифологий объясняется тем, что в эпоху викингов на северную культуру ощущалось влияние Британии, и в частности Ирландии, под сильным воздействием которых языческая Скандинавия оставалась до XI в.

В поэме Блока нашло свое отражение представление древних ирландцев о потустороннем мире, в котором умершие ведут райское существование, «Земля живых», «Земля Женщин», чаще «Земля Молодых» (Тир-на-ногт), — «этот кельтский “рай” помещается очень далеко, к западу от Ирландии... Иногда это даже “земля обетованная”, где растет древо жизни. Умершие обретают там завидную участь, по сравнению с долей живущих в этом мире... Но счастливые обладатели этих божественных благ должны уберечь себя от ностальгии. Один из спутников Брана познал это на собственном печальном опыте: “Им казалось, что они пробыли там один год, а прошло уже много, много лет. Тоска по дому охватила одного из них, Нехтана, сына Кольбрана. Его родичи стали просить Брана, чтобы он вернулся с ними в Ирландию. Женщина сказала им, что они пожалеют о своем отъезде. Они все же собрались в обратный путь. Тогда она сказала им, чтобы они остерегались коснуться ногой земли. Они плыли, пока не достигли селения по имени Мыс Брана. Люди спросили их, кто они, приехавшие с моря. Отвечал Бран: “Я Бран, сын Фебала”. Тогда те ему сказали: “Мы не знаем такого человека. Но в наших старинных повестях рассказывается о Плавании Брана”. Нехтан прыгнул из ладьи на берег. Едва коснулся он земли, тотчас же обратился в груды праха, как если бы его тело пролежало в земле уже много сот лет. После этого Бран поведал всем собравшимся о своих странствиях с начала вплоть до этого времени. Затем он простился с ними, и о странствиях его с той поры ничего не известно» (Леру, 2000: 211–213).

Несмотря на то что в поэме Блока нет упоминаний имен и названий этой саги, и герой поэмы не пускается в плавание, чтобы достичь таинственного берега, некоторые переключки с легендой в «Соловьином саде» звучат. Во-первых, сам образ сада (сад

Эмайн в легенде). Во-вторых, сон, благодаря которому герой поэмы, подобно герою легенды, попадает в чудесный чужой край. В-третьих, песня, которую поет тот, кого не видно, и которая погружает героя в волшебный вековой сон. Наконец, образы золотого вина, прекрасной женщины и остановившегося времени соловьиного сада. Однако в поэме в отличие от легенды есть не только тот, кто удерживает героя от ухода из сада, но и тот, кто пытается как бы удержать его от бегства из реального мира: это осел, на спине которого герой перевозил куски скал к железной дороге. Женщина из прекрасного сада, так же как и хозяйка сада Эмайн в легенде, не хочет, чтобы герой покидал ее, однако и не предупреждает о том, что случится с ним по возвращении в реальный мир. А случается с героем фактически то же, что и с Нехтаном или с самим Браном: теперь мир, который он покидал на столь долгий срок, забыл о нем и не может принять назад. Так же как Нехтан рассыпался в прах, метафорически умирает герой, когда видит другого рабочего, погоняющего чужого осла по той дороге, которую он так хорошо знал в своей прежней жизни. Так же как никто отныне не помнит Брана и ничего больше не слышал о его странствиях, ничего не известно и о герое поэмы. Так же как Нехтана охватывает тоска по дому, главный герой поэмы пытается уйти от соблазнов сада, изолирующих его от трудной, но достойной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя принципы обращения к северной мифологии Брюсова и Блока, можно сделать вывод о двух различных подходах к мифологизации. Несмотря на определенные трансформации, которые в поэзии Брюсова претерпевают мифологические образы и сюжеты, миф интересен ему в первую очередь как часть великой культуры прошлого. Можно сказать, Брюсов стремится воплотить миф в поэзии в его первоизданном виде — насколько это возможно. Для него мифы сильны как раз своей устойчивостью к переменам, неизменностью. Еще одно качество брюсовского мифологизма заключается в том, что в его произведениях бывает нелегко разграничить миф и легенду.

Иной характер носит обращение к мифу у Блока. Его лирический герой как бы проживает мифологическую ситуацию, легенда для него не актуальна, реальные события, которые происходят с героем, воссоздают сюжетную матрицу мифа. Это то, что Зара Григорьевна Минц называла неомифологизмом.

В той или иной степени это различие мифологизаций может быть характерно как для произведений отдельных представителей символизма, так и для поэтических систем «старшего» и «младшего» символизма в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюсов, В. Я. (1973) Собр. соч. : в 7 т. М. : Худож. лит. Т. 2. 479 с.
Леру, Ф. (2000) Друиды. СПб. : Евразия. 288 с.
Мелетинский, Е. М. (2000) Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.
Мелетинский, Е. М., Гуревич, А. Я. (1980) Германско-скандинавская мифология // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия. Т. 1. 672 с. С. 284–292.
Раудар, М. Н. (1988) Образы Севера и Скандинавии в лирике В. Брюсова // Скандинавский сборник. Вып. 31. Таллинн : Ээсти Раамат. 230 с. С. 146–167.
Шелогурова, Г. (1986) Об интерпретации мифа в литературе русского символизма // Из истории русского реализма конца XIX — начала XX века / под ред. А. Г. Соколова. М. : Изд-во Моск. ун-та. 176 с. С. 122–135.

Дата поступления: 22.01.2014.

SCANDINAVIAN MYTHOLOGY IN THE WORKS

BY V. BRYUSOV AND A. BLOK

L. S. GULBA

(THE GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article studies the images, plots and motifs taken from Norse mythology and reflected in the lyric poetry by two Russian poets of the 19th–20th centuries, Valery Bryusov and Alexander Blok. Scandinavia in Bryusov's and Blok's poetry has been a subject of interest for a number of philologists. However, almost none of them has paid much attention to the images of mythology and has tried to compare them in Bryusov's and Blok's works.

The article observes the transformations that the mythological images, plots and motifs have undergone in the poets' works. The author studies the interpretations of myth in their oeuvre. The research methodology is based on the comparative method; it also includes the descriptive, mythopoeic and structuralist methods.

V. Bryusov's poems "Loki to Balder" ("Bal'deru Loki") and "The Prophecy of the Doom of the asir" ("Prorochestvo o gibeli azov") illustrate two mythological plots consistently: Balder's death and the end of the world, the Ragnarok myth. In their poetic embodiment, they almost do not undergo any changes, and those deviations from the mythological plots, which can be found in the poems, are intentional and serve the author's purposes.

The poem "The Garden of Nightingales" ("Solov'inyi sad") by A. Blok reflects the plot of the Irish saga of the voyage of Bran. The hero of the poem is correlated with Bran who goes on a voyage, and the lovely garden is related to the Promised Land. The temporary death of the mythological hero acquires a new content in the poem: the cause of his spiritual death is the temptations of the garden he has succumbed to.

The main difference between Bryusov's and Blok's poetic mythologizations is that Bryusov is interested in a myth, first of all, in its original form, and because of this, he tends to keep its main features in his poetry, while Blok considers a mythological story as a kind of symbol, which can be embodied in the life of his lyrical hero and can be revisited by him once again. The research helps to understand not only the reflections of Scandinavian mythology in the writers' poetical systems, but the poetical systems as such more thoroughly.

Keywords: Valery Bryusov, Alexander Blok, Norse mythology, Scandinavian mythology, Celtic mythology, mythologization, lyrics.

REFERENCES

Bryusov, V. Ya. (1973) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 7 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 2. 479 p. (In Russ.).

Leru, F. (2000) *Druidy* [Druids]. St. Petersburg, Evraziia Publ. 288 p. (In Russ.).

Meletinskii, E. M. (2000) *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ. 407 p. (In Russ.).

Meletinskii, E. M. and Gurevich, A. Ya. (1980) Germano-skandinavskaa mifologija [German and Scandinavian Mythology]. In: *Mify narodov mira* [Myths of the Nations of the World]. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ. Vol. 1. 672 p. (In Russ.). P. 284–292.

Raudar, M. N. (1988) Obrazy Severa i Skandinavii v lirike V. Briusova [The Images of the North and Scandinavia in Bryusov's Lyric Poetry]. *Skandinavskiy sbornik* [The Scandinavian Collection], No. XXXI. Tallinn, Eesti Raamat Publ. 230 p. Pp. 146–167. (In Russ.).

Shelogurova, G. (1986) Ob interpretatsii mifa v literature russkogo simbolizma [On the Interpretation of Myth in the Literature of Russian Symbolism]. In: *Iz istorii russkogo realizma kontsa XIX — nachala XX veka* [From the History of Russian Symbolism of the Late 19th — Early 20th Century]/ ed. by A. G. Sokolov. Moscow, Moscow State University Press. 176 p. Pp. 122–135. (In Russ.).

Submission date: 22.01.2014.

Гульба Людмила Сергеевна — аспирант отдела русской литературы конца XIX — начала XX в. Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Тел.: +7 (495) 695-94-33. Эл. адрес: jane_of_dark@mail.ru. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. И. С. Приходько.

Gulba Liudmila Sergeevna, postgraduate of the Department of the Russian Literature of the Late 19th and Early 20th Centuries, the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 25a Povarskaya St., Moscow, Russian Federation, 121069. Tel.: +7 (495) 695-94-33. E-mail: jane_of_dark@mail.ru. Research adviser — Doctor of Science (philology), professor I. S. Prikhodko.